

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕСЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ О.Г. МИТЯЕВА В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

© 2015

И.А. Шидловская, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры «Немецкая филология и методика преподавания немецкого языка»

О.П. Симутова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Немецкая филология и методика преподавания немецкого языка»
Оренбургский государственный университет, Оренбург (Россия)

Ключевые слова: авторская песня; стихотворный перевод; лексические замены; переводческие трансформации; семантическое сходство.

Аннотация: Статья посвящена изучению песенных стихотворений одного из самых ярких представителей авторской песни О.Г. Митяева с позиций метода сравнительно-сопоставительного анализа в переводе с русского языка на немецкий, осуществленном известным германским славистом К. Вольфом.

Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим интересом к авторской, или, как еще принято дефинировать, бардовской, песне в европейских странах, а именно в Германии. На основании проведенного исследования было установлено, что переселение русскоязычных немцев в 90-х годах прошлого века послужило толчком для создания и широкого распространения авторской песни в этой стране. По всей видимости, это связано с тем, что для поэтов и русский, и немецкий языки являются родными. Создание стихотворений на русском языке стало основой для аналогичного создания на немецком, а чаще всего для перевода, т. к., по признанию некоторых авторов, не всегда удается изначально написать текст на немецком языке. Данный пласт культуры получил определение «Lagerfeuerromantik».

В представленной статье были проанализированы структурные и семантические особенности перевода произведений подобного жанра на примере стихотворений «Как здорово» и «Дым печной». На основании проведенного анализа были выявлены такие переводческие трансформации, как лексическая замена, конкретизация, транслитерация, опущение. Представляет интерес факт нарушения типичных грамматических конструкций немецкого предложения, что свидетельствует о наличии разговорного стиля, а также использование при переводе окказиональных слов, диалектизмов и развернутых метафор.

Проведенное исследование подтвердило предложенный авторами тезис о том, что при переводе стихотворений бардовского направления используются как традиционные приемы перевода, так и создаются новые формы стихотворных строф при сохранении изначальной семантики.

Стихотворения, положенные на музыку, представляют собой отдельный пласт – как в поэзии, так и в музыке. А бардовские песни стоят особняком в этом ряду, поскольку именно через них автор передает личные переживания особенно отчетливо. Расцвет данного направления в поэзии и музыке пришелся в России на 60-е годы прошлого века в период «оттепели», после того как стали появляться пластинки с французским шансоном и итальянским кантаутори. Однако перевод этих произведений осуществлялся очень редко, поскольку предпочтение отдавалось исполнению на исходных языках. В Германии в этот период интерес к авторской песне либо вовсе отсутствовал, либо доминировал только в узких кругах любителей определенного направления в музыке.

Одним из самых ярких представителей подобного жанра исполнения, как в нашей стране, так и за рубежом, является Олег Григорьевич Митяев. После его выступления в 1992 г. в Гамбурге немецкие газеты писали: «Ein Liedermacher für die ganze Welt, dessen Lieder das Herz vor Fernweh und Sehnsucht überlaufen lässt» («Автор всего мира, песни которого переполняют сердце тоской и тягой к дальним странствиям») [1]. Именно в те годы и начали переводить его стихотворения на немецкий язык. На наш взгляд, немецким славистом, историком К. Вольфом был осуществлен наиболее яркий и выразительный перевод, представленный в сборнике «Stille lern ich von den Wolken» («Сквозь себя просеивать тишину я учусь у облаков») [2; 3].

Общеизвестно, что перевод стихов представляет собой наибольшую трудность, поскольку поэтическая форма традиционно поставлена в жесткие рамки ограничений. Ритм, размер, количество стоп, рифма и тип их чередования, каденция, строфа, рефрен, звукопись – это те особенности формы, которые придают архитектурному сооружению стиха неотразимую привлекательность. Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии [4–6]. По мнению И.С. Алексеевой, для адекватного перевода следует «сохранить размер и стопность; сохранить каденцию, т. е. наличие/отсутствие заударной части рифмы (мужские, женские, дактилические окончания), ведь замена мужской рифмы на женскую меняет музыкальную интонацию стиха с энергичной, решительной на напевную, нерешительную; сохранить тип чередования рифм; отразить, насколько это возможно, звукопись; сохранить количество и место в стихе лексических и синтаксических повторов» [7, с. 319, 320].

Стихотворный перевод требует от переводчика не только литературного таланта и умения писать стихи, но, кроме того, способности вместить в стихотворную форму иного языка исходный смысл, идею и даже литературные приемы. А перевод песенных стихов – это вершина художественного перевода текста, т. к. необходимо соотносить строфы в нужном музыкальном ритме

с оригинальной мелодией. Стихотворный ритм сам по себе уже является тем элементом, который организует начало стиха. И как пишет А.А. Павлова: «Изменение размера стихотворения может привести к изменению его настроения, а значит, и смысла. На этом заключении основывается одно из основных требований к переводу: размер оригинала должен быть сохранен» [8, с. 66].

Согласно утверждению М.Л. Лозинского: «Дать перевод, оказывающий по возможности то же эмоциональное воздействие, что и оригинал, – вот основная цель перевода, которая во многих случаях достигается тогда, когда ритм перевода подобен ритму оригинала» [9, с. 99].

Особенностью данного вида перевода является то, что стихотворение, будучи художественным произведением, отражает в образах определенную действительность, связанную с жизнью конкретного народа, язык которого и дает основу для воплощения образов. Очевидным является то, что сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие и передачу целого комплекса элементов – задача чрезвычайно сложная. Однако решение данной проблемы возможно только при сохранении органичного единства формы и содержания в его национальной обусловленности [10].

Так, например, уже в самом названии одного из самых популярных стихотворений О.Г. Митяева «Как здорово» отображена основная идея всего произведения: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Однако в немецком варианте мы видим, что автор предпочел посредством лексической замены отобразить главную мысль через название музыкального инструмента как символа объединения друзей «Gitarre, gelb und schmiegsam» («Гитара, желтая и гибкая») [11]. В начале стихотворения О.Г. Митяев обращается к неизвестному читателю уже как к другу, используя местоимение «ты»: «Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно». В немецком переводе К. Вольф выносит в начало первой строфы часть названия всего произведения: «Gitarre, gelb und schmiegsam, wie zärtlich die Umarmung» («Гитара, желтая и гибкая, как нежны объятия твои»). Для сохранения песенного ритма автор позволяет себе даже нарушить строгую рамочную грамматическую конструкцию немецкого языка (отсутствие сказуемого), что является достаточно характерным для разговорного языка и наводит на мысль, что именно таким образом немецкий переводчик обращается к читателю как к другу, опустив при этом обращение на ты. Во второй строфе мы наблюдаем подобное обращение, которое в русском варианте представлено как: «Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка улыбнись!». В немецком аналоге перевод осуществлен следующим образом: «Warum, mein Freund, so traurig? Komm, lächle uns doch zu!» («Почему, мой друг, ты такой печальный? Иди сюда, улыбнись с нами!») [12]. Безусловно, автор не мог дословно перевести лексему «бродяга», поскольку в немецком языке данное существительное имеет ярко выраженную негативную семантическую коннотацию, т. е. слово «Landstreicher» означает человека без определенного занятия и места жительства, ведущего, как правило, асоциальный образ жизни. Аналогичная лексема в русском языке семантически отображает не только изначальный смысл, но чаще всего

также обозначает человека, который любит путешествовать. При этом семантическое значение приобретает совершенно противоположную первоначальному смыслу, т. е. положительную коннотацию.

Общеизвестно, что представители бардовского жанра любят ходить в туристические походы, бродить с рюкзаками по лесам и горам, сидеть у костра и исполнять под гитару свои песни. В русском языке слово «бродяга» является прежде всего обращением к давнему другу, старинному приятелю и относится к разговорному стилю.

Мы наблюдаем также в конце каждой строфы разговорный стиль, который выражен в усечении флексии *-e* в существительном *heut* (сегодня): «Wie wunderbar, dass wir heut hier zusammen alle sind!» («Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»). Данный прием является характерным также и для песенного жанра.

Прием конкретизации, т. е. замена слова или словосочетания исходного языка с широким референциальным значением словом или словосочетанием переводного языка с узким значением, ярко выражен в начале второй строфы: «Wie Abendschein der Sonne tanzt um die Kiefern Feuer» («Как отблеск от заката костер меж сосен пляшет») [13]. Словосочетание «Wie Abendschein der Sonne» переводится дословно «Как последний луч уходящего солнца», и автор решил использовать наиболее подходящее выражение для немецкого языка.

Довольно часто авторы в своих произведениях создают окказиональные слова и выражения, которые отчетливо выражают неповторимый стиль того или иного поэта, писателя. Согласно Н.Г. Бабенко, окказиональное (слово, значение, словосочетание, звуко сочетание, синтаксическое образование) – «не узуальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [14]. На наш взгляд, такими окказиональными словосочетаниями являются «осколок эха» и «пронзит тугую высь» в первой строфе «Der Saite Echosplitter durchbricht die Höhe hell» («Стрела осколком эха пронзит тугую высь»). В данном выражении переводчик использовал как дословный перевод «Echosplitter» («осколок эха»), так и лексическую замену «durchbricht die Höhe hell» («пробивает яркую высоту»).

Немалую сложность для перевода представляют развернутые метафоры – образные картины, в которых слово, употребленное в метафорическом значении, вызывает образное значение в связанных с ним словах. Вновь выбор переводчика – либо сохранить образный стержень фигуры подлинника, либо заменить его своим, сохраняя при этом стилистическую направленность, адекватную оригиналу [15]. Данная метафора отображена, по нашему мнению, в строке «Die Himmelskuppel wiegt sich, ganz weiß von Schnee und Sternen» («Качнется купол неба, большой и звездно-снежный»), которую переводчик частично перевел дословно «купол неба качается», а другую часть видоизменил «совершенно белый от снега и звезд», используя при этом классический порядок слов в немецком предложении.

Показательно, что, несмотря на использование определенных переводческих трансформаций, большая часть лексем и даже целых строк была переведена К. Вольфом практически дословно, например: «Und jemand,

der dir nah ist, wird dir ganz leise sagen» («И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет») или «Es schmerzt tief in der Kehle, wenn wir an jene denken» («И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним»). Подобный перевод основывается, по нашему мнению, на довольно простой (разговорной) лексике, несложной архитектонике (три строфы по четыре строки, последняя из которых повторяется в каждой строфе и распространенном стихотворном размере (ямбе)). Но, несмотря на простоту слов и музыки, именно эта песня стала гимном бардовского движения.

Довольно часто перевод представляет собой не только перевод в изначальном смысле, а скорее создание нового произведения. Переводчик, ознакомившись с текстом, рисует в своем воображении определенные картины и передает их совершенно иными, чем изначальные, языковыми средствами читателям, ориентируясь на менталитет и представления того или иного народа о каком-либо явлении. Данное утверждение основывается на анализе не очень известного широкой публике стихотворения «Дым печной», в первой строфе которого методом описательного перевода представлена картина русской зимы, образ северной страны. О.Г. Митяев вводную часть данного произведения выразил следующими словами:

Цвело узорами стекло
В окне темно-сиреновом.
Тепло молчание текло, как свет зрачка оленьего.
И лес баюкала зима,
И, снегом заносимая,
Была невыносимою
Печаль в стекляшках рек,
Как будто целый век шел снег.

При переводе данной строфы К. Вольфом мы наблюдаем описание русской зимы, северной страны посредством иносказательных приемов:

Ganz weiß an Fenster hin aus Eis
gemalte Fliederphantasien,
Lautlosigkeit floß warm
wie Licht in Renttieraugen glimmt.
Und – bajuschki baju – den Wald
der Winter wiegte gänzlich schnee-
bedeckt und auch im Schnee versteckt,
der Flüsse Gramm aus Eis,
als fiele ewig Schnee,
ganz weiß [16].

Образ зимы переводчик представляет нам так же, как в исходном языке, описательным методом в первых двух строках: «Совершенно белая на окне из льда нарисованная в фантазиях сирень». О том, что речь идет о России, мы узнаем в первую очередь по словосочетанию «bajuschki baju», при переводе которого автор использовал метод транслитерации русского глагола «баюкать», а также по сложносоставному субстантиву «Renttieraugen» («глаза северного оленя») в строчке «wie Licht in Renttieraugen glimmt» («как свет, мерцающий в глазах северного оленя») [17]. Общеизвестно, что относительно Германии Россия находится на севере. Далее зима вступает окончательно в свои права:

«Зима укачивает лес, совершенно белый от снега и спрятавшийся в снег». В конце строфы мы наблюдаем усиление эмоциональной окраски: «Реки печали из льда, как будто вечно падал снег».

Заслуживает внимания употребление в переводе диалектизмов: «und Tee zur frühen Vesperzeit» («И чай послеобеденный») [18]. Существительное Vesperzeit (полдник) маркируется как южно-немецкий диалект, несмотря на то что действие происходит в Берлине: «Berliner Kirchen leiser Klang» («Церквей берлинских тихий звон»).

Субстантив «die Flur» в широком значении обозначает «коридор, вестибюль». Однако переводчик употребил его в малоизвестном значении «нива, поле, луг» в строке «vom Walde und der Flur» («о ниве и пеньке»). По нашему мнению, автор использовал приближенный (уподобляющий) перевод. Данный прием заключается в том, что в языке перевода подыскивается понятие, которое не всегда полностью совпадает с исходным, но имеет с ним семантическое сходство и в известной мере может раскрыть его суть [19]. Скорее всего, и пенек, и нива являются отображением окружающей природы.

Лексическая замена наблюдается и в самом названии «Kohle glimmt, Schwermut sinnt» («Уголь тлеет, печаль размышляет»). Данный прием основывается на замене причинно-следственных отношений, т. е. «когда слово или словосочетание исходного языка может заменяться при переводе словом или словосочетанием переводного языка, которое обозначает причину действия или состояния, обозначенного переводимой единицей исходного языка» [20].

О том, что дым печной у О.Г. Митяева означает хандру, уныние, тоску, читатели узнают только в конце стихотворения:

Дым печной там хандрой,
А не детством пахнет.
Сон течет, полночь бьет,
Век вот-вот пройдет.

В отличие от О.Г. Митяева, немецкий переводчик К. Вольф выражает главную мысль уже в начале произведения. На наш взгляд, это может быть обусловлено характерной чертой немецкого менталитета предпочитать знать заранее, о чем пойдет речь. И как логическое завершение в конце автор передает окончательное настроение:

Kohle glimmt, Schwermut sinnt,
nicht die Kindheit atmet.
Mitternacht. Traum hält Wacht.
Auf die Zeit gib Acht.

Последние две строчки, представленные в русском языке тремя метафорами, содержат сразу несколько видов переводческих трансформаций, например, наблюдается и прием опущения во фразе «Полночь бьет» («Mitternacht»), и прием переводческой компенсации в метафорах «Сон течет. Век вот-вот пройдет» («Traum hält Wacht. Auf die Zeit gib Acht»).

Резюмируя изложенное, можно констатировать следующее. Стихотворный перевод – это вершина художественного перевода текста, так как требует от переводчика

не только литературного таланта и умения писать стихи, но, кроме того, способности вместить в стихотворную форму иного языка исходный смысл, идею и даже литературные приемы. А перевод песенных стихов представляет собой особое мастерство, так как от переводчика требуется передать не только стихотворный перевод, но и переложить его на определенную мелодику ритма. Представленный анализ убеждает нас в том, что К. Вольф не только выразил стиль и мысли О.Г. Митяева, но и сумел переложить их на особый жанр музыки – российскую авторскую песню.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Oleg Mityaev. URL: traian.pop-verlag.com/oleg_mityaev.htm.
- Митяев О.Г. Сквозь себя просеивать тишину я учусь у облаков: сб. стихотворений. Ludwigsburg: Pop, 2013. 133 с.
- Mityaev O. *Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg: Pop, 2013. 133 s.
- Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы. М.: Университет, 2006. 240 с.
- Латышев Л.К. Технология перевода. 4-е изд. М.: Академия, 2008. 320 с.
- Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: Юрайт, 2000. 136 с.
- Алексеева И.С. Письменный перевод. Немецкий язык. СПб.: Союз, 2006. 368 с.
- Павлова А.А. Сравнительное источниковедение: выбор размера перевода поэтического произведения // Источники гуманитарного поиска: новое в традиционном. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002. С. 65–70.
- Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С. 91–106.
- Рулева Я.С. Особенности адекватного перевода стихотворений, передача метафоры на русский язык при переводе поэтических произведениях Дж.Г. Байрона // Вестник КАСУ. 2006. № 2. С. 116–121.
- Mityaev O., Wolff K. *Gitarre, gelb und schmiegsam // Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg: Pop, 2013. S. 11.
- Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Русский язык, 1994. 768 с.
- Лейн К., Мальцева Д.Г., Зуев А.Н. Немецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1992. 1040 с.
- Бабенко Н.Г. Окациональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 196 с.
- Прозоров В.Г. Основы теории и практики перевода с английского языка на русский. Петрозаводск: КГУ, 1997. 234 с.
- Mityaev O., Wolff K. *Kohle glimmt, Schwermut sinnt // Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg: Pop, 2013. S. 30–31.
- Большой немецко-русский словарь / под ред. О.И. Москальской. М.: Рус. яз., 2008. 760 с.
- Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart: Verlag Metzler J.B., Weimar, 2005. 782 s.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

REFERENCES

- Oleg Mityaev. URL: traian.pop-verlag.com/oleg_mityaev.htm.
- Mityaev O.G. *Skvoz sebya proseivat tishinu ya uchus u oblakov: sbornik stikhotvorenyy* [I learn from clouds to sift the silence through myself]. Ludwigsburg, Pop, 2013. 133 p.
- Mityaev O. *Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg, Pop, 2013. 133 s.
- Vinogradov V.S. *Perevod: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation: general and lexical issues]. Moscow, Universitet Publ., 2006, 240 p.
- Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. 4th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 320 p.
- Komissarov V.N. *Obshchaya teoriya perevoda: problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnykh uchenykh* [General theory of translation: issues of translation covered by foreign scientists]. Moscow, Yurayt Publ., 2000, 136 p.
- Alekseeva I.S. *Pismenniy perevod. Nemetskiy yazyk* [Written translation. German language]. S. Petersburg, Soyuz Publ., 2006, 368 p.
- Pavlova A.A. Comparative source studies: selection of rhythm of poetry translation. *Istochniki gumanitarnogo poiska: novoe v traditsionnom*. Belgorod, Belgorodskiy gos. universitet Publ., 2002, pp. 65–70.
- Lozinsky M.L. Art of poetic translation. *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov*. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 91–106.
- Ruleva Ya.S. Peculiarities of appropriate poetic translation, metaphor reproduction to the Russian language while translating poetry of G.G. Bayron. *Vestnik KASU*, 2006, no. 2, pp. 116–121.
- Mityaev O., Wolff K. *Gitarre, gelb und schmiegsam. Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg, Pop, 2013, s. 11.
- Devkin V.D. *Nemetsko-russkiy slovar razgovornoy leksiki* [German-Russian dictionary of conversational vocabulary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994, 768 p.
- Leyn K., Maltseva D.G., Zuev A.N. *Nemetsko-russkiy slovar* [German-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1992, 1040 p.
- Babenko N.G. *Okkazionalnoe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskiy analiz* [Occasional in literary text. Structural and semantic analysis]. Kaliningrad, Kaliningraskiy universitet Publ., 1997, 196 p.
- Prozorov V.G. *Osnovy teorii i praktiki perevoda s angliyskogo yazyka na russkiy* [Basics of theory and practice of translation from English into Russian]. Petrozavodsk, KGU Publ., 1997, 234 p.
- Mityaev O., Wolff K. *Kohle glimmt, Schwermut sinnt. Stille lern ich von den Wolken*. Ludwigsburg, Pop, 2013. S. 30–31.

17. Moskalskaya O.I., ed. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar* [Large German-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2008, 760 p.
18. *Metzler Lexikon Sprache*. Stuttgart, Verlag Metzler J.B., Weimar, 2005, 782 s.
19. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2002, 709 p.
20. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: issues of general theory and subtheory of translation]. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p.

**STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE SONGLIKE POEMS BY O.G. MITIAEV
TRANSLATED FROM RUSSIAN INTO GERMAN**

© 2015

I.A. Shidlovskaya, PhD (Philology),
senior lecturer of Chair “German Philology and German Language Teaching Methods”
O.P. Simutova, PhD (Philology),
assistant professor of Chair “German Philology and German Language Teaching Methods”
Orenburg State University, Orenburg (Russia)

Keywords: art song (guitar song); verse translation; lexical substitution; translation transformations; semantic similarity.

Abstract: The paper covers the study of songlike poems written by O.G. Mitiaev, one of the most outstanding representatives of the guitar song, and translated from Russian into German by the internationally known German Slavist K. Wolf, from the perspective of comparative analysis method.

The relevance of this paper is caused by the growing interest in European countries, and namely in Germany, for guitar songs, or, as they define it, the songs composed by a singer poet. The authors found out that the migration of Russian Germans in the 1990es caused the creation and wide spreading of guitar songs in that country. Apparently, it is caused by the fact that Russian and German languages act as their mother tongue for the authors. The creation of poems in Russian became not only the basis for creation of similar poems in German, but mostly for their translation, because, according to some authors' opinion, it is not always possible to write original lyrics in German. This cultural layer was given a definition of “Lagerfeuerromantik”.

This paper analyzed the structural and semantic translation peculiarities of songs of this genre on the example of poems “It is so Cool” and “Chimney Smoke”. Basing on the analysis, the authors revealed such translation transformations as lexical substitution, concretization, transliteration and omission. The violation of typical grammatical structures of German sentences, which indicates the presence of informal style, as well as the use of nonce words, dialectisms and extended metaphors while translating, is of great interest.

The study confirmed the thesis suggested by the authors that while translating the guitar songs the traditional methods of translation are used, as well as the new forms of poetic strophes retaining the original semantics are created.